

УДК 94(47).084.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/54/11

«НАШИ БРАТЯ ПО КРОВИ»: ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОСТОКА РОССИИ (ВЕСНА–ОСЕНЬ 1918 г.)*

Д.Н. Шевелев

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: shev-dn@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена восприятию и осмыслению роли Чехословацкого корпуса, а также репрезентации его образа в периодической печати востока России на начальном этапе гражданской войны. Именно чехословацкие legionеры запустили механизм гражданской войны в Сибири, сыграли ключевую роль в свержении советской власти и обеспечили на тот момент перевес сил антибольшевистского движения. Автор ставит перед собой задачу определить основные объяснительные модели и стратегии аргументации, использовавшиеся прессой для позиционирования Чехословацкого корпуса, встраивания его в основополагающий для антибольшевистских сил «нарратив возрождения» – сверхтекстовое повествование, в котором сотнями рассказчиков для миллионной российской и зарубежной аудитории повествовалась история освобождения страны от большевиков. Данный сюжет рассматривается в контексте фундаментальной проблемы «Я–Другой», где в роли «Я» выступает субрегиональное сообщество, а в роли «Другого» – чехословацкие legionеры. Автор приходит к заключению, что пресса того времени проявляла двойственность в интерпретации этого образа. С одной стороны, прослеживается стратегия сближения («присвоения»), в рамках которой Чехословацкий корпус воспринимается как коллективный «Другой», который близок к тому, чтобы стать «Своим». Чехи и словаки представлены в

* Исследование проведено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

образе «братьев по крови», славян, в трудную минуту пришедших на помощь России в борьбе с «тевтоно-мадьярами» и большевиками. С другой стороны, пресса стремится сохранить Чехословацкий корпус именно как коллективного «Другого», наделенного качествами, отличающими его от «Своего» и в силу этого делающего его своеобразным культурным эталоном, примером для подражания (стратегия дистанцирования).

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, Чехословацкий корпус, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство (Директория), политический нарратив, дискурсы контрреволюции.

“OUR BROTHERS IN BLOOD”: CZECHOSLOVAKIAN LEGIONNAIRES IN THE INFORMATION SPACE OF THE EAST OF RUSSIA (SPRING–AUTUMN 1918)*

D.N. Shevelev

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: shev-dn@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the role of the Czechoslovakian corps and its image in the periodical press of the East of Russia at the beginning of the Civil War. It was the Czechoslovakian Legionnaires who launched the Civil War in Siberia, played a key role in the overthrow of the Soviet system and ensured the superiority of the anti-Bolshevik movement. The author determines the main explanatory models and strategies of argumentation used by the press for positioning the Czechoslovakian corps, its embedding to the fundamental anti-Bolshevik “narrative of the revival” – a super-text narrative in which hundreds of tellers told the story of country liberation from the Bolsheviks to millions of Russians and foreigners. This plot is interpreted in the context of the fundamental problem of “I – Other”, where “I” is a sub-regional community, and “Other” is Czechoslovakian Legionnaires. The author concludes that

* The research was supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program.

the press of that time showed duality in the interpretation of this image. On the one hand, it demonstrated a strategy of rapprochement ("appropriation"), within which the Czechoslovakian corps was perceived as a collective "Other", close to becoming "Our". Czechs and Slovaks were represented as "brothers in blood", Slavs who came to help Russia in the fight against "Teutonic Magyars" and the Bolsheviks in difficult times. On the other hand, the press seeks to preserve the image of the Czechoslovakian corps as of a collective "Other", endowed with qualities that distinguish it from "Ours" and therefore makes it some kind of cultural sample to follow (the strategy of distancing).

Keywords: Civil War, Siberia, Czechoslovakian corps, Provisional Siberian Government, Provisional All-Russian Government (Directory), political narrative, counterrevolution discourses.

История Чехословацкого корпуса – самого крупного и организованного регулярного иностранного военного соединения на территории России в годы гражданской войны – традиционно привлекает внимание отечественных исследователей. За последние полтора десятка лет было опубликовано немало научных статей, историографических обзоров, защищено несколько диссертаций по этой проблематике (Валиахметов 2005; Недбайло 2005; Салдугеев 2006; Васильченко 2014). Современные исследователи, с одной стороны, преодолевают наследие советской исторической традиции, пересматривая или даже отказываясь от присущих ей понятий «мятеж» и «белочехи», смещая акценты в интерпретации действий чехословацких легионеров весной-летом 1918 г. от полностью скоординированных руководством Антанты в сторону случайности и стихийности их выступления. С другой – неизменной остается оценка Чехословацкого корпуса как решающего фактора в установлении антибольшевистской власти в Поволжье, на Урале и в Сибири, а также интервенционистского характера его вооруженного вмешательства в российские дела «независимо от мотивов, которыми руководствовались легионеры» (Ларьков 1996: 293).

В меньшей степени Чехословацкий корпус рассматривается в контексте идеологического, политико-пропагандистского противостояния «красных» и «белых», его включенности в дискурсивные практики, символическую репрезентацию и политические нарративы того времени. С этой точки зрения значительный интерес представляет совместное исследование А.Г. Рыбкова и Е.И. Демидовой, посвященное «вопросам пропагандистской деятельности в годы гражданской войны в России, объектом и субъектом которой выступал Чехословацкий корпус». Авторы вполне правомерно связывают

перемены в репрезентации образа легионеров, интерпретации их целей и побудительных мотивов с изменением военно-политической обстановки. Разработанная ими периодизация отдает инициативу в руки большевиков, которые являются активной действующей силой, навязывающей свою волю всем остальным участникам коммуникации. «В конце 1917 – самом начале 1918 г. пропаганда сводилась к тому, чтобы удержать военный корпус чехов и словаков на позиции соблюдения нейтралитета (15 марта 1918 г. большевистское правительство приняло постановление о том, чтобы Чехословацкий корпус покинул пределы Советской России); с конца мая – начала июня 1918 г. характер пропаганды стал иным: Чехословацкий корпус представлялся враждебной силой, угрожающей делу революции» (Рыбков, Демидова 2014: 109). Действия же чешской стороны в такой ситуации становятся вынужденными и лишь ответными.

Эволюции образа Чехословацкого корпуса в сибирской прессе посвящено несколько статей М.М. Стельмака, одна из которых охватывает интересующий нас период «демократической контрреволюции». В изображении лояльной антибольшевистским правительствам периодической печати чехословацкие легионеры, по мнению автора, представляли собой «силу, готовую содействовать до конца новой антибольшевистской власти», они «разделяли демократические воззрения и ценности свободы и в этом должны стать примером для всех народностей России» (Стельмак 2016: 51).

Отдельные аспекты участия чехословацких легионеров в символических и коммеморативных практиках российского антибольшевистского движения рассматриваются в работах чешских авторов. Отметим статьи Т. Якла (Якл 2016) и Д. Вахи (Ваха 2016), а также обобщающее многотомное исследование В.М. Фица (Fic 2008).

В целом опубликованные к настоящему времени исследования не дают ясного понимания того, каким образом Чехословацкий корпус был встроен в дискурсивные практики нарождавшейся политической пропаганды антибольшевистских государственных образований востока России.

Цель данной работы – определить основные объяснительные модели и стратегии аргументации, использовавшиеся официальной и проправительственной периодической печатью, политической пропагандой Временного Сибирского и Всероссийского правительств для формирования необходимого для реализации их военно-политических планов образа Чехословацкого корпуса, закрепления этого образа в сознании регионального сообщества. Объектом исследования являются информационное пространство и политическая коммуникация, сложившиеся в годы гражданской войны на востоке

России; предметом – дискурсивные практики, основным коллективным актором в которых выступали чехословацкие legionеры.

Рабочая гипотеза: летом-осенью 1918 г. собственные интересы, обусловленные военно-политической обстановкой, приоритетными задачами внутренней и внешней политики, а также имевшимися ресурсами, вынуждали Западно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское, а затем и Временное Всероссийское правительства, подчиненный им аппарат политической пропаганды и лояльную новую власть прессу время от времени воздействовать на формирующийся в информационном пространстве образ Чехословацкого корпуса с целью его корректировки.

Рассмотрим основные события. В конце мая – начале июня 1918 г. внезапно западная часть Сибири становится ареной военных действий. Основные события при этом разворачиваются вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. «Выступлению чехословацкого отряда против "совдепа" предшествовало разоружение красной гвардии отрядом партизанов, отправлявшихся против Семенова. Узнав об этом, чехословаки 25 мая, около 5 ¹/₂ вечера, почти безоружные (у чехословаков было только 24 винтовки) напали на партизанский отряд и отобрали у него все оружие (пулеметы, винтовки, 2 орудия). Минут через 15 чехи заняли город» (Голос народа 3). Так описывала произошедший на станции Мариинск переворот газета «Голос народа».

Спустя несколько часов ситуация повторяется в другом уездном центре Томской губернии – Новониколаевске. «Свержение власти большевиков здесь совершили чехословаки: в 12 часов ночи они, имея всего около 60 винтовок, решительными действиями без сопротивления разоружили красную армию на вокзале, а затем оцепили Дом революции (Коммерческое собрание), где заседал исполнительный комитет, и арестовали всех там находившихся. Хотя при этом и произошла небольшая перестрелка, но все дело окончилось незначительными жертвами: убит был один чех, двое красноармейцев, ранена случайно женщина. Одновременно был окружен лагерь военнопленных и обстрелян, после чего произведен обыск и отобрано оружие. Утром город облетела радостная весть о свержении большевиков. Начались обыски у большевиков: находились запасы сахара, муки, разных продуктов, связки золотых колец и другие предметы, отобранные во время обысков и реквизиций» (Свободная Сибирь 1). В руках чехов оказались богатые трофеи – 1 623 винтовки, 2 пулемета, 20 тыс. патронов. Одновременно с захватом Новониколаевска командиру 1-го батальона 6-го Ганацкого полка был отдан приказ о занятии станции Чулымской и движении на Барабинск (Голос Сибирской армии 1).

31 мая 1918 г. советская власть была свергнута в Томске, 7 июня – в Омске. В дальнейшем, по словам одного из участников военной организации капитана А.А. Кириллова, «восстание в Сибири приобрело все более стихийный характер и разрасталось из центрального инсurreкционного района Томск – Омск на восток и запад» (Кириллов 1928: 46). 11 июня большевики были изгнаны из Тобольска, 15 июня – из Барнаула, 20 июня – из Красноярска и Бийска, 11 июля – из Иркутска, 26 августа – из Читы. Не менее успешно, чем сибирская (во главе с капитаном Р. Гайдой), действовали пензенская (под командованием поручика С. Чечека) и челябинская (полковник С.Н. Войцеховский) группы Чехословацкого корпуса. 27 мая они взяли Челябинск, 29 мая – Пензу, 8 июня – Самару, 19 июня – Бугуруслан, 4 июля – Уфу, 25 июля – Екатеринбург.

«Без какого-либо плана, без руководящих указаний свыше, спасая свою свободу и существование, чешские войска вступили в борьбу с большевиками, – писал впоследствии генерал А.И. Деникин, – захватывая железнодорожные линии и станции, разгоняя советы, разоружая или уничтожая красную гвардию. Силы большевиков за Волгой были по численности и боевой пригодности ничтожны; действия чехов сопровождались поэтому быстрым, ошеломляющим успехом. Повсюду их выступления вызывали местные восстания и организацию добровольческих отрядов, по преимуществу офицерских, отчасти возникавших стихийно, отчасти созданных местными военными и политическими центрами. Эти отряды добровольно присоединялись к чешским войскам, увеличивая их силу и значение и придавая выступлению чехов, вызванному стремлением открыть себе путь на восток, смысл и характер идейного движения» (Деникин 1924: 91–92).

Таким образом, с одной стороны, чехословацкие легионеры запустили механизм гражданской войны в Сибири, сыграли ключевую роль в свержении советской власти и обеспечили на этом этапе перевес сил антибольшевистского движения. «Выступление чехословаков против советской власти, – писала в годовщину переворота газета "Речь Алтая", – должно быть записано золотыми буквами в историю возрождения России, оказав этому возрождению неоценимые услуги» (Речь Алтая 1919).

С другой стороны, на обширной территории Урала, Сибири и Дальнего Востока происходит встреча местного населения, обществённости и нарождавшейся государственной власти с новой, хорошо вооруженной и организованной силой, дальнейшие цели и побудительные мотивы которой были не до конца ясны.

Восприятие, осмысление и репрезентация Чехословацкого корпуса в периодической печати востока России на начальном этапе гра-

жданской войны напрямую выходят на фундаментальную проблему «Я–Другой», где в роли «Я» выступает субрегиональное сообщество, а в роли «Другого» – чехословацкие legionеры.

В то время пресса, придерживавшаяся официального направления (т.е. поддерживавшая идеологию и политику новой государственной власти) приступила к конструированию «нарратива возрождения» – сверхтекстового повествования, в котором сотнями повествователей для миллионной аудитории рассказывалась история освобождения страны от большевиков. Зададимся вопросом: какое место в этом нарративе занял Чехословацкий корпус?

В прессе того времени сложились определенные модели позиционирования Чехословацкого корпуса, чехословацких legionеров, Чехословакии, чешского и словацкого народов, объяснявшие их присутствие (реальное и воображаемое, непосредственное и подразумеваемое) и роль в происходивших в России событиях, закреплявшие эти диспозиции в сознании регионального сообщества.

1. Чехословацкие legionеры как коллективная жертва происков большевиков и немцев. Лояльная Временному Сибирскому правительству периодическая печать стремилась представить не только чехословацких legionеров, волей случая оказавшихся на востоке России, но и всех чехов и словаков пострадавшей стороной, жертвой внешних сил и обстоятельств, причем в нескольких отношениях. Чехи и словаки подавались политической пропагандой как «родственные нам по происхождению, наши братья, славяне», «живущие в Австрии под страшным гнетом австро-германского империализма». «Чехи и словаки, – отмечал томский "Голос народа", – много веков тому назад попали под владычество Австро-Венгрии, которая их угнетает и до сих пор... Особенно угнетают чехов и словаков мадьяры» (Голос народа 4).

Многие беды пришлось пережить чехам и словакам за 500 лет. «Немецкие Габсбурги, – говорилось в брошюре, изданной российским отделением Чехословацкого национального совета, – с диким неистовством набросились на несчастный народ и в слепой ярости старались все чешское уничтожить. Вся чешская аристократия и мещанство, не признававшие католичества, были из чешских земель изгнаны, а крестьянам как сословию несвободному было просто приказано отказаться от веры отцов и перейти в насаждаемое иезуитами католичество... Одновременно были приняты всесторонние меры для полного искоренения чешского языка» (Велеховский 1918: 5–7).

Переломным моментом стала Первая мировая война, когда у чешского и словацкого народов появилась надежда на обретение национальной независимости. «Когда вспыхнула общеевропейская война, – писала красноярская "Воля Сибири", – чехи и словаки резко и

определенно стали на сторону антигерманской коалиции. Они связали судьбу всего своего народа с судьбами европейских демократий и в осуществлении идеалов, которыми были проникнуты лучшие представители европейской демократии, видели и освобождение своего народа от векового немецкого гнета и насилия» (Воля Сибири 1918). Не желая «проливать братскую русскую кровь» и «ковать цепи для русского народа», «целыми полками они добровольно сдавались в русский плен». Из чешских и словацких добровольцев, подданных Российской империи и эмигрантов, уже в самом начале войны была сформирована «Чешская дружина», пополненная перешедшими на сторону союзников военнопленными и развернутая в бригаду.

С большим воодушевлением восприняли чехословацкие legionеры Февральскую революцию в России. «Принципы, провозглашенные в марте этой революцией, – самоопределение национальностей и демократизация государства – вполне соответствовали тем идеям, которыми руководствовались чехословаки во все времена своей борьбы против немецкого засилья. Успех русской революции окрылил чехов, запись в добровольческие отряды шла необыкновенно успешно, и это обстоятельство в связи с полученным от Временного правительства разрешением создавать национальные войска привело к тому, что в состав русской армии вошел особый чехословацкий корпус» (Воля Сибири 1918). Кроме того, весной 1917 г. было создано Отделение Чехословацкого национального совета (ЧНС) для России во главе с Т. Масариком, рассматривавшееся как «Правительство будущей Чехии».

Произошедший в конце октября 1917 г. переворот «разбил лучшие надежды чехов», а с подписанием Брестского мира ожидания «чехов и словаков, храбро и беззаветно боровшихся в рядах русской армии против германского империализма, рухнули». «После этого позорного мира для чехословаков создалось положение безвыходное. На родину им нельзя возвращаться, ибо их угнетатели австро-германцы им никогда не простят того, что они вместе с русскими боролись против них» (Голос народа 4).

В такой непростой для legionеров ситуации они не растерялись и не пали духом, будучи уверены в том, что «союзные демократии будут продолжать борьбу с германскими насильниками». Чехословацкий национальный совет и командование корпуса принимают решение, «уйдя от изменивших делу европейских демократий большевиков, отдать свои силы и свою жизнь за лучшее будущее своего народа в рядах французских войск». В середине января 1918 г. российское отделение ЧНС провозгласило Чехословацкий корпус «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции» (Клеванский 1965: 147). «Уже около

половины их эшелонов проехало через Сибирь беспрепятственно, – свидетельствовала красноярская "Свободная Сибирь", – но затем большевики по требованию своего начальства из Берлина стали препятствовать свободному продвижению чехословаков на восток и потребовали их разоружения» (Свободная Сибирь 4).

Таким образом, в интерпретации периодической печати востока России чехословацкие легионеры оказались на сибирской земле не по своей воле, они стали жертвой коварных и вероломных большевиков, действовавших по указке из Берлина и обязавшихся «перед германским правительством, обезоружив чехословаков, выдать их Австрии, где их, несомненно, частью расстреляли, частью заключили в тюрьму».

2. Чехословацкие легионеры (Чехословацкий корпус) как коллективный герой-спаситель. Итак, первоначальные планы чехословацких легионеров, продвигавшихся во Владивосток, не были связаны ни с Сибирью, ни с Россией в целом. Российское же общество в то время пребывало в состоянии «невероятной апатии и отчаяния, которые овладели русскими умами» при виде «страшного развала великого государства». «Появление в Сибири родственной могучей силы, – отмечала в годовщину чехословацкого выступления газета "Русская армия", – на которую смог опереться больной русский богатырь в то время, когда, казалось, уже не было никакого просвета, представляется событием поистине чудесным. Помощь пришла совершенно неожиданно и оттуда, откуда никто не ожидал» (Русская армия 1919). При этом чехословацкие воины показали все свои боевые навыки и умения. «Здесь, в Сибири, чехословаки показали чудеса храбрости. Вдумайтесь. Как немного было их, когда они, по указке Мирбаха, были разбросаны разрозненными эшелонами по всей линии Сибирской железной дороги, как мало было у них оружия, и вы поймете, с каким героизмом, отвагой и смелостью вступили они в борьбу с господствующими повсюду вооруженными до зубов большевиками» (Свободная Сибирь 3).

Жители Урала, Сибири и Поволжья чествовали чехословацкие отряды как своих освободителей, чему сохранилось немало свидетельств. «С какой радостью мы встречали их у себя в Сибири, мы в порыве восторга и радости бросали под ноги запыленных бойцов цветы и слезы радости» (Свободная Сибирь 3). Так, например, вошедшие в Томск чехословацкие легионеры (которые, кстати, не принимали участия в боях за город) в составе одной пехотной роты, артиллерийской части и конной разведки «торжественно были встречены у здания (гостиницы. – Д.Ш.) "Европы" почетным караулом сибирских добровольцев» (Кириллов 1928: 44). «Впервые для Сибири, – вспо-

минал капитан А.А. Кириллов, – раздались здесь чешские рожки встречи, громкое братское "наздар" (чешское приветствие. – Д.Ш.), и вместе с большим бело-зеленым стягом, развевающимся около коренастой фигуры подполковника Пепеляева, вырос бело-красный стяг свободной Чехии как символ единения двух братских славянских народов» (Кириллов 1928: 45). Газета «Сибирская жизнь» приводит интересный эпизод, произошедший во время этой встречи: «Начальник томского гарнизона полковник Н.Н. Сумароков обратился к отряду с приветствием, покрытым марсельезой чешского оркестра. Затем растроганный Н.Н. Сумароков обратился к командиру эшелона капитану Гайда с просьбой разрешить ему поцеловать первого стоявшего в рядах солдата. Этот братский по оружию поцелуй был, в свою очередь, покрыт старым чешским национальным гимном "Kde domov můj" ("Где дом мой?". – Д.Ш.). От "Европы" эшелон двинулся по Почтамтской между шпалерами публики, густо стоявшей вдоль тротуаров и криками приветствовавшей маршировавший отряд и частью присоединявшейся к нему» (Сибирская жизнь 4).

В Омске горожане так же тепло встретили своих освободителей. «Вечером, – записал 7 июня 1918 г. в своем дневнике будущий премьер-министр Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский, – по городу разъезжали в грузовых автомобилях чехи и словаки, бурно приветствуемые населением. Крики "наздар", "ура" раздаются со всех концов города» (Вологодский 2006: 56). Восстановившее после падения советской власти свою работу Тобольское чрезвычайное губернское земское собрание постановило «приветствовать родные нам по крови, близкие по духу славные чехословацкие войска, ставшие на решительную борьбу с советской властью для уничтожения Брестского договора, воссоздания совместного с русскими войсками фронта в титанической схватке с жестоким врагом славянства» (Сибирский вестник 2).

Признательность населения, общественных кругов и нарождавшейся власти на занятых чехословацкими частями территориях выражалась не только в приветственных телеграммах, но и в праздничных торжествах, закладках памятников, благотворительных мероприятиях и добровольных пожертвованиях. В Екатеринбурге, к примеру, для чехословаков был устроен праздник, на проведение которого было потрачено около 700 тыс. руб. По воспоминаниям главного организатора этого мероприятия, руководителя отделения Волжско-Камского банка в Екатеринбурге В.П. Аничкова, «каждому воину (а их, по показаниям чешского командования, оказалось более пяти тысяч человек, тогда как на самом деле едва ли участвовала в освобождении города и тысяча) приготавлился подарок стоимостью в 40 рублей» (Аничков

1998: 163). Кроме того, был организован торжественный ужин для чешских и русских офицеров на 600 чел.

Периодическая печать востока России лета-осени 1918 г. рассматривала чехословацких легионеров как своеобразного коллективного героя, отважного, благородного, самоотверженного и бескорыстного славянского воина, спасшего в трудную минуту русскую землю. Общую тональность хорошо отражает стихотворение, опубликованное в одной из челябинских газет:

Словаки – чехи! Вы явились к нам случайно,
Могучей, стройною, веселою толпой,
И будто знали вы, как тяжко чрезвычайно
Нам было переносить Совдепа дикий вой!
Явились в майский день, природа ликовала
И солнца луч играл, как никогда.
Веселый день! Беда нас миновала!
Тот светлый майский день запомним навсегда.
Могучею волной Челябинск наш обмыло
И унесло всю грязь без всякого следа,
С могучею волной страдание уплыло,
И унеслась волной тяжелая беда (Власть народа 1918).

3. Чехословацкие легионеры (чехословаки) как идеал, культурный образец и пример для подражания. Проправительственная пресса и политическая пропаганда неоднократно подчеркивали: чехословаки (и те, кто оказался в России, и те, кто остался у себя на родине) – это особенные, выдающиеся люди, герои, наделенные исключительными, абсолютными чувствами, качествами и способностями, такими, как свободолюбие, патриотизм, обостренное чувство гражданского долга или верность общеславянскому единству. «Когда в 1914 году разразилась мировая война, – заострял внимание "Голос Сибирской армии", – то *все* (здесь и далее курсив мой. – Д.Ш.) чехословаки, бывшие на территории России, от границ Германии до берегов Тихого океана, несмотря на свое австрийское подданство, точно по уговору, *как один* человек стали на сторону России и ее союзников. *Точно так же* поступили чехословаки, жившие в пределах других стран противогерманской коалиции» (Голос Сибирской армии 2).

Делая акцент на выдающихся свойствах чешского и словацкого народов, периодическая печать сравнивала их с российскими обывателями, «обыкновенными, средними людьми», не героями. «Чехословаки, – писала газета "Свободная Сибирь" – признанные в нашем сознании герои. Это не обыкновенные, средние люди, это борцы за свободу и счастье своей родины. Они не заключали Брестского мира, они не распродавали врагам своих пушек и пулеметов,

они не братались, не бежали как стадо баранов с поля битвы, едва завидев неприятеля, не покидали самовольно фронта. А мы, мы средние, обыкновенные люди, все это делали» (Свободная Сибирь 2). Сопоставление, как мы видим, не в пользу российского обывателя. «Нет, как подумаешь и сравнишь русский народ с чехословаками, так делается страшно и до слез обидно. Не нам, сынам Великой России, явиться борцами за освобождение славянства. Малодушные, мы слишком рабы, нам надо учиться многому у чехословаков» (Свободная Сибирь 3).

Таким образом, использовавшееся прессой противопоставление носило не только дидактический, поучительный и морализаторский характер, но, в первую очередь, предполагало и вполне определенное убеждающее воздействие, и воспитательный эффект. «Теперь наступил такой момент, – призывала та же "Свободная Сибирь", – когда не время ссылаться на свою серость и обыденность. В момент битвы каждый должен исполнить свой долг для спасения общего дела, каждый должен проявить высшее напряжение своих сил и общее должен ставить выше личного, о личном должен даже забыть» (Свободная Сибирь 2). В этом отношении чехословаки, с точки зрения российских изданий, подавали достойный пример, а возможно, являлись идеалом, образцом, которому стоило следовать и даже подражать.

Можно выделить несколько важных качеств, проявленных (или приписываемых пропагандой) чехословаками, приводивших в восхищение русскую прессу того времени. Во-первых, это сохранение своей внутренней свободы, самобытности, национального единства и славянской идентичности «в минуты тяжелого гонения Центральными державами», твердая вера в возрождение своей государственности. Во-вторых, «не связанные с нами никакими договорами, только в силу своей принадлежности к славянству, чехи-словаки были надежными союзниками России и союз свой закрепили преданностью и кровью» (Свободная Сибирь 2). В-третьих, то мужество, самоотверженность и великодушие, которые продемонстрировали чехословацкие легионеры в борьбе с большевиками в Поволжье, на Урале и в Сибири. «Что, – подытоживала "Свободная Сибирь", – как не сознание долга, любовь к родине, служение общему славянскому делу в борьбе с неметчиной заставило чехословаков сражаться за наше освобождение!» (Свободная Сибирь 2).

Кроме того, пресса неоднократно подчеркивала: чехи – культурная и образованная нация, и этим они также выгодно отличаются от русского народа, пребывающего в темноте и невежестве, обусловившими ту легкость, с которой большевики его «одурманили». «Просвещение народных масс поставлено очень высоко чехами, – отмечал "Сибирь

ский вестник"; – здесь существуют самые разнообразные ученые, литературные, музыкальные, певческие, гимназические и другие общества и процветают различные благотворительные учреждения, народные дома, театры и т. п.» (Сибирский вестник 1). Высокий уровень образования был достигнут в трудных условиях, создававшихся правящими кругами Австро-Венгрии, правительство которой в этом направлении «чехов и вообще славян никогда не только не поощряет, а, напротив, всячески им в этом препятствует», на собранные всем обществом средства. Из чего «нетрудно понять, каким широко развитым национальным самосознанием, каким патриотическим духом и какой самоотверженной дисциплиной должен обладать небольшой народ для того, чтобы из года в год в течение десятка лет на добровольные пожертвования производить миллионные расходы на самые разнообразные цели, которыми, главным образом, держится его национально-культурная жизнь» (Сибирский вестник 1). В этом отношении русскому народу также следовало брать пример с чехословаков.

4. Чехословацкий корпус как источник легитимности новой государственной власти в Сибири. Летом-осенью 1918 г. Чехословацкий корпус (ЧСК) представлял собой значительную вооруженную и хорошо организованную на востоке России силу. Он подчинялся Чехословацкому национальному совету, который был признан правительствами ведущих мировых держав – Великобритании, Франции, США, Японии – в качестве официального представителя будущего чехословацкого государства. В январе 1918 г. ЧСК был формально подчинен французскому военному командованию, а в начале июня страны Антанты объявили его частью своих вооруженных сил. Таким образом, у ЧНС и его вооруженных формирований в России (ЧСК) было явное преимущество перед Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания (Комучем), областным правительством Урала и Временным Сибирским правительством – их признавали союзники. Однако само присутствие в регионе дружественной военной силы заставляло местное население если и не поддерживать, то хотя бы считаться с новой властью. Эти два фактора активно использовали антибольшевистские государственные образования для придания правомерности своим действиям, получения одобрения со стороны общества, сочетая традиционный и рациональный (по М. Веберу) типы легитимности.

Выделим основные формы политической коммуникации, направленные на закрепление легитимности новых режимов:

- правительственные декларации и официальные заявления;
- участие представителей Чехословацкого национального совета,

его российского отделения, командного состава Чехословацкого корпуса в официальных церемониях (открытие второй сессии Сибирской областной думы, Уфимского государственного совещания);

- обмен официальными приветствиями, телеграммами;
- участие представителей ЧНС и ЧСК в работе (главным образом, в торжественных открытиях) съездов, конференций и совещаний общественно-политических, социально-классовых, профессиональных и национальных организаций;
- совместные военные парады и смотры.

Приведем один пример. 15 августа 1918 г. в Томске состоялось торжественное открытие второй сессии Сибирской областной думы. «Великая честь этого начала собрания и спасения России, – сообщала накануне газета "Сибирская жизнь", – выпала на долю нашей родины – Сибири... Освободившись сама, при помощи доблестных и родственных чехословаков, от губительного ига почти всех сибирских совдепов с их союзниками немцами и мадьярами, Сибирь оказалась первой из областей Великой России, проявившей здоровый инстинкт самосохранения и истинное понимание государственного единства своего со всей Россией» (Сибирская жизнь 1).

Церемонии открытия думы предшествовал совместный парад чехословацких и сибирских войск, их приветствовали председатель Совета министров Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский и представитель Чехословацкого национального совета И. Глосс. «На штыках чехословацких ружей развевались их национальные флажки. Место парада было окружено толстым кольцом любопытных, пришедших посмотреть на давно невиданное зрелище – стройно марширующих солдат... Затем состоялся парад. Стройными рядами проходили войска, и в каждом звуке команды, в каждом движении, в каждом повороте видны были и дисциплина, и знание, и сознание важности совершающегося» (Сибирская жизнь 2).

В половине второго в зале университетской библиотеки председатель И.А. Якушев объявил заседание Сибирской областной думы открытым. Чехословацкая делегация занимала особую ложу, представителю ЧНС в думе И. Глоссу было предоставлено слово для приветствия. «При появлении его на трибуне аплодисменты переходят в овацию.

– Дорогие братья русские, – говорит он, – с чувством братской радости приветствую я вас от имени Чехословацкого национального совета, чехословацкой армии и всего чехословацкого народа... Мы оправдали на деле, подчеркиваю, на деле любовь к вашему народу. Мы верим, что живые силы страны сольются в одно могучее русло для сокрушения германского империализма. Скоро освобождена

будет ваша опозоренная матушка Москва (гром аплодисментов). Граждане, воскреснет Россия, будет восстановлена Сербия, освобождены Польша и Чехия! Да здравствует великая свободная Россия! Да здравствует автономная Сибирь! Да здравствуют союзники и весь свободный славянский мир! (овация)» (Сибирская жизнь 3).

Таким образом, обладавшие авторитетом, статусом и популярностью представители ЧНС и чехословацких войск словно передавали часть своей харизмы лидерам антибольшевистского движения, обеспечивая общественную поддержку их действиям и проводимому им политическому курсу в целом.

5. Чехословацкие легионеры как посредник между антибольшевистскими правительствами востока России и правительствами стран Антанты. Германия, понимая, что проигрывает войну, «сумела подло использовать революционные брожения масс в России, бросив в него и умело раздув пламя социальной вражды». Обессиленная Россия не выдержала. «Русский фронт распался вследствие истощения страны, принесшей непосильные жертвы. Яд революционной демагогии, так искусно использованный германской рукой, разложил стойкость и выносливость русских солдат». К власти в стране пришли подкупленные Германией «большевики-предатели», заключившие с ней Брестский мир. «Он опозорил всю Россию: нас всех назвали изменниками наши союзники, потому что мы их бросили в очень опасное время, оставили одних и отказались воевать».

Брест-Литовский мирный договор оценивался участниками антибольшевистского движения как несмываемый национальный позор. «Эта измена гнетет нас и отравляет чистоту нашей радости». И хотя вина за это бесчестье целиком и полностью лежит на большевиках, которые «купили себе власть ценой фактического разрыва с союзниками», а пострадавшей стороной стала сама Россия, преступно и легкомысленно отданная «на поток и разграбление врага», «в полнейшую кабалу германскому капиталу» (Голос народа 1), это не отменяло самого факта вероломного предательства. «И одновременно с этим Брестскими же соглашениями, – резюмировал “Голос народа”, – был нанесен предательский и жестокий удар союзникам России, державам согласия. Всем, конечно, памятно, сколько корпусов сняли немцы, благодаря соглашению с большевиками, с нашего фронта и бросили на западный. И мы еще не знаем окончательных результатов тех стремительных и решительных сражений, которые немцы дали французам и англичанам на Ипре, под Парижем» (Голос народа 1).

На России, таким образом, лежит тяжелый груз вины перед ее союзниками, но есть и смягчающие обстоятельства. «Народная Россия, как известно, отвергла Брестский договор. Тем самым она осталась в

отношениях войны с Германией». «Мы, русские, с Германией никогда не мирились. Мы продолжали бороться, как могли, и если не активным, то пассивным сопротивлением помогали победе до конца». Подняв оружие против изменников, восстанавливая российскую государственность и армию как воплощение нации, «государственно мыслящие» люди России искупают позор Бреста. «Мы вновь летом этого года начали войну с Центральными державами и с того времени сделали все, что могли». «Одним из самых значительных последствий ликвидации власти германских марионеток является то, что Россия, согласно решению Всероссийского Учредительного собрания и огромного большинства демократии, отбрасывает прочь позорный брестский "договор", эту удавку на шее России, становясь по отношению к Германии в то же положение, что и до захвата большевиками власти, т. е. Россия вновь приступает к борьбе за свою независимость и свободу вместе с нашими союзниками» (Голос народа 2).

В такой ситуации «государственно мыслящим» людям, ставшим у руля возрождавшейся России, необходим был своеобразный медиатор, посредник для нормализации отношений с бывшими союзниками по антигерманской коалиции. Таким арбитром могли выступить чехословаки, пользовавшиеся доверием и признанием у правительств стран Антанты и США. Восстановление Восточного фронта в этом процессе могло стать первым шагом в необходимом антибольшевистском силам направлении.

6. Чехословацкие легионеры как посредник между антибольшевистскими правительствами востока России и славянскими народами. Антибольшевистским правительствам востока России необходим был такого же рода посредник и для урегулирования еще одного важного вопроса – восстановления отношений со славянскими народами. Они отчетливо понимали, что окончание Первой мировой войны, несомненно, приведет к пересмотру границ и появлению в Европе новых государств, в т. ч. и славянских. «Считая предрешенным вопрос о создании Польши, – констатировали "Отечественные ведомости", – мы с уверенностью можем предполагать, что Данциг, Познань и Бреславль, а также австрийская Польша войдут в состав нового государства. Далее от границ Польского государства начнутся границы другого славянского государства – Чешского, и, возможно, что границы Чехии несколько перейдут прежние границы Австрии с Германией... Далее, от границ Чехии, Венгрии и румынских владений потянутся сплошной полосой до Адриатического моря самостоятельные югославянские государства, объединенные, вероятнее всего, в одну федерацию с балканскими славянами» (Отечественные ведомости 1918).

Отношения же России со славянскими народами омырались

несколькими обстоятельствами. С одной стороны, революционные события 1917 г. с их «полным пренебрежением не только к славянским, но даже русским национальным интересам» увеличили разрыв между Россией и славянскими народами, создав все условия для того, чтобы славяне «с горечью отвернулись от России, которая так позорно бросила их на произвол судьбы в момент самой страшной борьбы». К тому же ослабленная войной и революцией Россия утратила свой традиционный статус защитницы и покровительницы славянских народов, сама нуждалась в помощи.

С другой стороны, отношения между славянскими народами далеко не всегда были братскими. «Вопрос о полном прекращении многовековой вражды между Польшей и Россией, об установлении между ними твердого соглашения, – писала, к примеру, "Сибирская речь", – имеет громадное значение не только для этих стран, но и для всего славянства. Нелепейшая политика царского правительства в Польше больше всего мешала нашему тесному сближению со славянами, и если кому была выгодна, то исключительно Германии» (Сибирская речь 1918).

Подведем итоги. В материалах официальной и проправительственной периодической печати лета-осени 1918 г. прослеживаются вполне определенные модели, риторические стратегии, повторяющиеся схемы аргументации, использовавшиеся для позиционирования Чехословацкого корпуса. Действия чехословацких легионеров, их мотивация преподносились сибирской аудитории в более возвышенном, благородном и героическом, чем это было в реальности, свете (стратегия валоризации); имевшееся недопонимание, взаимные претензии, нараставшие разногласия и назревавшие конфликты сглаживались, смягчались, маскировались или просто замалчивались (стратегия завуалирования). Реализуя эти две риторические стратегии, пресса официального направления и политическая пропаганда востока России создала и иллюзорный, воображаемый объект, который они наделили не реальными, а приписанными ему ценностями, свойствами и побудительными мотивами, проецируя на Чехословацкий корпус собственные представления и фантазии.

В интерпретации образа чехословацких легионеров пресса того времени проявляла двойственность. С одной стороны, в определенном смысле прослеживается стратегия сближения («присвоения»): Чехословацкий корпус воспринимается как коллективный «Другой», очень близкий к тому, чтобы стать «Своим». Чехи и словаки представлены в образе славянских «братьев по крови», в трудную минуту пришедших на помощь России в борьбе с «тевтоно-мадьярами» и большевиками. Происходит своеобразное присвоение «Другого» и наделение его качествами «Своего».

С другой стороны, пресса стремится сохранить Чехословацкий корпус именно как коллективного «Другого», наделенного качествами, отличающими его от «Своего», и в силу этого делающего его своего рода культурным эталоном, примером для подражания (стратегия дистанцирования). Все это говорит о том, что на начальном этапе гражданской войны Чехословацкий корпус играл очень важную для антибольшевистской пропаганды роль *внешнего конституирующего «Другого»*, призванного не только сплотить и мобилизовать население региона на борьбу с советской властью, но и оформить, наделив его необходимыми свойствами, субрегиональное сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

Аничков 1998 – *Аничков В.П.* Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М.: Русский путь, 1998. 368 с.

Валиахметов 2005 – *Валиахметов А.Н.* Чехословацкий корпус в России (1917–1920): историография: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005. 267 с.

Васильченко 2014 – *Васильченко М.А.* Чехословацкий корпус на территории Поволжья в 1918 г.: от нейтралитета к участию в гражданской войне: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. 210 с.

Ваха 2016 – *Ваха Д.* Досуг чехословацких легионеров в России и на пути домой в 1919–1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3 (20). С. 88–118. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

Велеховский 1918 – *Велеховский Ф.* Чехословаки в России. Екатеринбург: Издание Чехословацкого национального совета (Отделение для России), 1918. 40 с.

Власть народа 1918 – Чехословакам // Власть народа. Челябинск, 1918. 30 июня.

Вологодский 2006 – *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань: Частное издательство П.А. Трибунского, 2006. 619 с.

Воля Сибири 1918 – Чехословаки и Сибирское Временное правительство // Воля Сибири. Красноярск, 1918. 23 июня.

Голос народа 1 – Антигерманская коалиция // Голос народа. Томск, 1918. 12 июня.

Голос народа 2 – Перелом // Голос народа. Томск, 1918. 19 июня.

Голос народа 3 – По городам и весям // Голос народа. Томск, 1918. 6 июня.

Голос народа 4 – Почему чехословаки помогают нам? // Голос народа. Томск, 1918. 5 июня.

Голос Сибирской армии 1 – Переворот в Новониколаевске // Голос Сибирской армии. Б.м., 1919. 26 мая.

Голос Сибирской армии 2 – Чехословаки в России // Голос Сибирской армии. Б.м., 1919. 26 мая.

Деникин 1924 – *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Берлин: Слово, 1924. Т. 3. 278 с.

Кириллов 1928 – *Кириллов А.А.* Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага, 1928. № 4. С. 36–68.

Клеванский 1965 – *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и военные формирования в России 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965. 366 с.

Ларьков 1996 – *Ларьков Н.С.* Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917–1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1996. 575 с.

Недбайло 2005 – *Недбайло Б.Н.* Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 231 с.

Отечественные ведомости 1918 – 29 (9) ноября 1918 года. Перед конгрессом // Отечественные ведомости. Екатеринбург, 1918. 29 (9) нояб.

Рыбков, Демидова 2014 – *Рыбков А.Г., Демидова Е.И.* Пропаганда как средство борьбы в годы гражданской войны (на примере Чехословацкого корпуса) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 3 (52). С. 108–110.

Речь Алтая 1919 – К годовщине падения советской власти // Речь Алтая. Барнаул, 1919. 15 июня.

Русская армия 1919 – Военный обзор. Ко дню годовщины свержения советской власти чехословаками в Сибири // Русская армия. Омск, 1919. 4 июня.

Салдугеев 2006 – *Салдугеев Д.В.* Чехословацкий корпус и меньшевистские правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы взаимоотношений: 1918–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 230 с.

Свободная Сибирь 1 – Корреспонденция // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 28 (15) июня.

Свободная Сибирь 2 – Мы не герои // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 11 июля (28 июня)

Свободная Сибирь 3 – Чему нас учат чехословаки // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 10 сент. (28 авг.).

Свободная Сибирь 4 – Чехословаки // Свободная Сибирь. Красноярск, 1918. 27 (14) июня.

Сибирская жизнь 1 – К открытию Сибирской областной думы // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 15 авг.

Сибирская жизнь 2 – Перед открытием Думы // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 17 авг.

Сибирская жизнь 3 – Сибирская областная дума (Сибирское телеграфное агентство) // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 17 авг.

Сибирская жизнь 4 – Чехословацкий эшелон в Томске // Сибирская жизнь. Томск, 1918. 6 июня.

Сибирская речь 1918 – Славянское единение // Сибирская речь. Омск, 1918. 14 авг.

Сибирский вестник 1 – Образование в Чехии // Сибирский вестник. Омск, 1918. 3 сент.

Сибирский вестник 2 – Чехословацкая жизнь // Сибирский вестник. Омск, 1918. 3 сент.

Стельмак 2016 – *Стельмак М.М.* Чехословацкий корпус: образ союзника в общественно-политической печати Западной Сибири в первые месяцы «демократической контрреволюции» // Материалы VIII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения. Омск: Амфора, 2016. С. 47–51.

Якл 2016 – *Якл Т.* «В память о братьях, павших на Руси»: строительство памятников павшим чешским добровольцам в России в 1918–1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 2 (19). С. 94–95. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-2-82-96

Fic 2008 – *Fic V.M.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918. 3. díl. Selhání americké politiky v Rusku a na Sibiři. Wilsonovo rozhodnutí neinterventovat. Březen – říjen 1918. Brno: Stilus, 2008. 505 s.

REFERENCES

Anichkov, V.P. (1998) *Ekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)* [Ekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)]. Moscow: Russkiy put'.

Valiakhetov, A.N. (2005) *Chechoslovatskiy korpus v Rossii (1917–1920): istoriografiya* [Czechoslovak corps in Russia (1917–1920): Historiography]. Kazan: [s.n.].

Vasilchenko, M.A. (2014) *Chechoslovatskiy korpus na territorii Povolzh'ya v 1918 g.: ot neytraliteta k uchastiyu v Grazhdanskoy voyne* [Czechoslovak Corps on the territory of Volga region in 1918: From neutrality to participation in the Civil War]. Saratov: [s.n.].

Vacha, D. (2016) Dosug chechoslovatskikh legionerov v Rossii i na puti domoy v 1919–1920 gg. [Czechoslovak Legionnaires and their Free Time in Russia and on the Way Home (1919–1920)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 3 (20). pp. 88–118 (In Russian). DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-88-118

Velekhovskiy, F. (1918) *Chechoslovaki v Rossii* [Czechoslovakia in Russia]. Ekaterinburg: Czechoslovak National Council (Branch for Russia).

Vlast' naroda. (1918) *Chechoslovakam* [To Czechoslovaks]. 30th June.

Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In the

power and exile: Diary of the Prime Minister of Anti-Bolshevik governments and immigrants in China (1918–1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.

Volya Sibiri (1918) Chekhoslovaki i Sibirskoe Vremennoe pravitel'stvo [Czechoslovakia and the Siberian Provisional Government]. 23rd June.

Golos naroda. (1918a) Antigermanskaya koalitsiya [Anti-German coalition]. 12th June.

Golos naroda. (1918b) Perelom [The turning point]. 19th June.

Golos naroda. (1918c) *Po gorodam i vesyam* [By cities and villages]. 6th June.

Golos naroda. (1918d) Pochemu chekhoslovaki pomagayut nam? [Why do Czechoslovakians help us?]. 5th June.

Golos Sibirskoy armii. (1919a) Perevorot v Novonikolaevske [The coup in Novonikolayevsk]. 26th May.

Golos Sibirskoy armii. (1919b) Chekhoslovaki v Rossii [Czechoslovakia in Russia]. 26th May.

Denikin, A.I. (1924) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on Russian troubles]. Berlin: Slovo.

Kirillov, A.A. (1928) Sibirskaya armiya v bor'be za osvobozhdenie [Siberian army in the struggle for liberation]. *Vol'naya Sibir'*. 4. pp. 36–68.

Klevanskiy, A.Kh. (1965) *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyy korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voennyye formirovaniya v Rossii 1914–1921 gg.* [Czechoslovak internationalists and the sold corps. Czechoslovak political organizations and military formations in Russia 1914–1921]. Moscow: Nauka.

Larkov, N.S. (1998) *Armiya i bor'ba za vlast' v Sibiri v kontse 1917–1918 gg.* [The army and the struggle for power in Siberia in the late 1917–1918]. Tomsk: [s.n.].

Nedbaylo, B.N. (2005) *Chekhoslovatskiy korpus v Rossii (1914–1920 gg.)* [Czechoslovak corps in Russia (1914–1920)]. Moscow: [s.n.].

Otechestvennye vedomosti. (1918) Pered kongressom [Before the Congress]. 29th November.

Rybkov, A.G. & Demidova, E.I. (2014) Propaganda kak sredstvo bor'by v gody Grazhdanskoj vojny (na primere Chekhoslovatskogo korpusa) [Propaganda as a means of struggle during the Civil war (a case study of the Czechoslovak corps)]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 3 (52). pp. 108–110.

Rech' Altaya. (1919) K godovshchine padeniya sovetskoy vlasti [On the anniversary of the fall of Soviet power]. 15th June.

Russkaya armiya. (1919) Voennyi obzor. Ko dnyu godovshchiny sverzheniya sovetskoy vlasti chekhoslovakami v Sibiri [Military review. On the anniversary of the overthrow of Soviet power by Czechoslovaks in Siberia]. 4th June.

Saldugeev, D.V. (2006) *Chekhoslovatskiy korpus i nebol'shevistskie pravitel'stva Povolzh'ya, Urala i Sibiri: problemy vzaimootnosheniy: 1918–1920 gg.* [Czechoslovak corps and the small governments of the Volga region, the Urals

and Siberia: problems of relations: 1918–1920]. Chelyabinsk: [s.n.].

Svobodnaya Sibir'. (1918a) Korrespondentsiya [Correspondence]. 28th June.

Svobodnaya Sibir'. (1918b) My ne geroi [We are not heroes]. 11th July.

Svobodnaya Sibir'. (1918c) Chemu nas uchat chekhoslovaki [What do Czechoslovaks teach us]. 10th September.

Svobodnaya Sibir'. (1918d) Chekhoslovaki [Czechoslovaks]. 27th June.

Sibirskaya zhizn'. (1918a) K otkrytiyu Sibirskoy oblastnoy dумы [To the opening of the Siberian Regional Duma]. 15th August.

Sibirskaya zhizn'. (1918b) Pered otkrytiem Dумы [Before the opening of the Duma]. 17th August.

Sibirskaya zhizn'. (1918c) Sibirskaya oblastnaya duma (Sibirskoe telegrafnoe agentstvo) [Siberian regional Duma (Siberian Telegraph Agency)]. 17th August.

Sibirskaya zhizn'. (1918d) Chekhoslovatskiy eshelon v Tomske [Czechoslovak troop train in Tomsk]. 28th June.

Sibirskaya rech'. (1918) Slavyanskoe edinenie [Slavic unity]. 14th August.

Sibirskiy vestnik. (1918) Obrazovanie v Chekhii [Education in Czechoslovakia]. 3rd September.

Sibirskiy vestnik. (1918) Chekhoslovatskaya zhizn' [Czechoslovak life]. 3rd September.

Stelmak, M.M. (2016) [Czechoslovak Corps: The Image of an Ally in the Socio-Political Press of Western Siberia in the First Months of the "Democratic Counter-Revolution"]. *Vaganovskie chteniya* [The Vaganov Readings]. Proc. of the 8th Regional Conference. Omsk: Amfora. pp. 47–51 (In Russian).

Yakl, T. (2016) "V pamyat' o brat'yakh, pavshikh na Rusi": stroitel'stvo pamyatnikov pavshim cheshskim dobrovol'tsam v Rossii v 1918–1920 gg. ["In the Memory of Brothers Who Died in Rus": Building the Monument for the Czechoslovakian Volunteers Who Deceased in 1918–1920]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2(19). pp. 94–95. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-2-82-96

Fic, V.M. (2008) *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918* [Czechoslovak legions in Russia and struggle for the emergence of Czechoslovakia 1914–1918]. Brno: Stilus.

Шевелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Dmitry N. Shevelev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shev-dn@yandex.ru